

НЕЖИТЬ.

Вотъ пришелъ Ярецъ ¹⁾ съ ясными днями, поднялъ и слилъ яроводье ²⁾. Лили дожди и пролились. Канули сиверы.

Съ теплымъ вѣтромъ изъ-за теплаго моря комары прилетѣли.

И текутъ безуёмно гульливья рѣки.

Гуляй, поколь воля!

Выгнана вербой въ поле скотина. Засѣяна черная пашня. А въ полѣ и въ лѣсу днемъ и ночью заливаются—свищутъ пѣвчія птицы; перелетныя, не обошли, не забыли наши края.

Русь—сторона родимая. Жить—она веселая.

Падаютъ бѣлой зарей большія Егорьевы росы.

Рано солнце играетъ.

Соловьиные дни.

Все оживаетъ, все пробудилось. Прогремѣлъ первый громъ и земля очнулась.

Выглянули мавки ³⁾ съ красныхъ горъ и буяновъ ⁴⁾,—стало не въ мочь въ зимнихъ могилахъ.

Тихо вѣютъ горніе вѣтры. Жарко на солнцѣ.

Встала чуя-змѣя, вывивается, чуетъ снѣдь.

¹⁾ Ярецъ—название Мая.

²⁾ Яроводье—сильный разливъ весеннихъ водъ.

³⁾ Мавки—горныя русалки, живутъ на вершинахъ. Мавки—маны (manes)—души умершихъ.

⁴⁾ Буянъ—холмъ, гора.

Вылѣзъ изъ-подъ коневой головы неприкаянный Нежить, навстрѣчу идетъ.

Гуляй, поколь воля!

Торна, бойка дорога.

Вотъ обогнулъ и бредетъ—колыбаются сивья космы—толчетъ грязи по мху и болоту, хлебнулъ болотной водицы, поле идетъ, другое идетъ...—неприкаянный Нежить, безъ души, безъ обличья.

То медвѣдемъ переступить, то утишится тише тихой скотины, то перекинется въ кустъ, то огнемъ прожигаетъ, то какъ старикъ сухоногій—берегись!—исказнить: будетъ по жилочкѣ каждая сутки выдергивать, то разудалымъ мальцомъ и опять, какъ доска, пугало-пугаломъ.

Доли не чаятъ и не теряютъ—Нежитова доля.

Далѣтъ день. Вечерѣтъ.

Въ теплыхъ гнѣздахъ ладятъ укладываться на ночь.

Ночь обымаетъ.

Ночь загорѣлась.

Затянули на буйвищахъ ¹⁾ устяжныя пѣсни.

Вѣтъ съ жальниковъ ²⁾ медомъ и сыченой брагой.

Легкая лодка скользнула въ раkitникъ. Раздвинула кустъ Волосатка ³⁾, пустилась по полю ко двору—къ Домовому.

¹⁾ Буйвище—кладбище.

²⁾ Жальники—общія могилы.

³⁾ Волосатка—домовина.

То любо тѣшиться!
 Въ ночнинѣ кони въ полѣ кочуютъ, зоблютъ.
 Сѣлъ Нежить въ мягкую траву, закатилъ болотныя пялки
 и загукалъ ¹⁾ Весну.
 А на позовъ изъ бора отукаетъ Дивъ.
 То любо тѣшиться!
 Подливаетъ вода—колыхливая рѣчка подъ наши ворота.
 Разъярёнилась пѣсня.
 Чу!—умолкаетъ.
 Тамъ встали въ кругъ, изогнулись, трогаютъ землю—
 пусть провѣщаетъ Судина! — и волшанскіе жеребья ²⁾ ки-
 нуты.
 Слышитъ ярое сердце, похолодѣло... рѣзвый жеребей ³⁾
 выпалъ... и очи погубились...
 Яромъ встали туманы, поникаетъ потокъ. Пѣтуха не до-
 будишься.
 Дубъ развертываетъ свѣжіе листья.
 Матерь-земля рѣдитъ буйную зель ⁴⁾.

БѢЛУНЬ.

Заковали злomu Вѣтру колючія губы, не велѣли дуть, и
 Морозъ-Трескунъ, засыпанный снѣгомъ, сѣлъ отдыхать въ
 холодномъ царствѣ на полночи.
 Пришло теплое лѣто. Забыто ненастье.
 Медвѣдь-пыхтунъ зашатался по лѣсу, а кузничку—воля,
 стрекочи хотъ всю ночь.
 Пошли люди съ косами съ острыми. Поспѣлъ сѣнокосъ.
 И куда ни заглянешь, все словно бы вновѣ—такое неви-
 данное: къ каждому цвѣтку наклоняешься, тронулъ бы вся-
 кую травку.
 Хороша погода, украслива.
 И такой просторъ, взял бы тутъ и остался.
 Гей! подлѣ ржи проходитъ Бѣлунъ. Какой бѣлый, въ бѣ-
 лой рубахѣ, и отъ солнца не застится: оно ему любо. Дол-
 жно быть, изъ лѣса: безъ него, говорятъ, темно въ лѣсѣ.

¹⁾ Гука́ть — кликать, звать, закликать.

²⁾ Волшанскіе жеребья — волшебные. Волшанскіе — волжанные —
 валженные. Ср. Волшанъ, Волотъ — волхвъ. Волотъ Волотовичъ — вѣщій собе-
 сѣдникъ премудраго царя Давыда Евсеевича въ „Стихѣ Іерусалимскомъ“ и
 въ „Книгѣ голубиной“.

³⁾ Рѣзвы́й жеребѣй — рѣшительный.

⁴⁾ Зель — молодая озимь до колошенья.

Всякому, кто заблудился, только спроси, и дорогу пока-
 жетъ.

— Дѣдушка, на сѣнокосъ?

Не слышитъ. Гдѣ тутъ услышать. Вотъ ступилъ на межу...

— Дѣдушка!

— Что тебѣ, рѣднѣй?—дѣдъ улыбнулся: и ему хорошо.

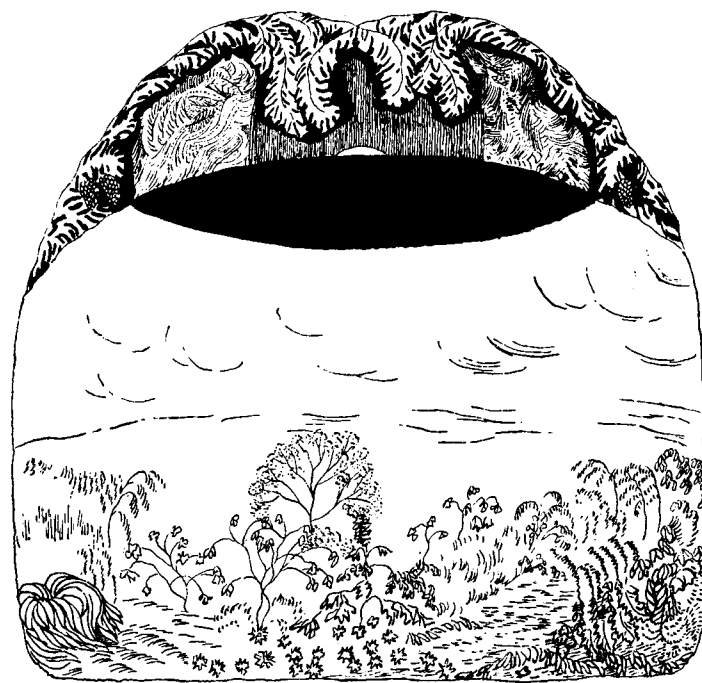
И идетъ по межѣ, идетъ лѣтней дорогой, ударяетъ клю-
 кою; вспоминаетъ ли старый сѣдое бусово время или далось
 на раздумю другое...

Лязгъ косы звонче.

Стрекочетъ кузничикъ.

Такъ до бѣлаго мѣсяца лязгъ косы звонокъ.

Ходитъ по свѣту Бѣлунъ.

ХОВАЛА ¹⁾.

Наволокло,—небо нахмурилось.

Подымалась гроза, становилась изъ краю въ край, заки-
 пала облакомъ...

Поднялись гарцуки ²⁾, полетѣли съ горъ, нагнали вѣтеръ
 и вихрь.

Вѣтры воютъ.

¹⁾ Хо́вала — отъ слова ховать — прятать, хоронить. Ховалы — зарницы
 (Курская губернія).

²⁾ Гарцу́ки — духи, производящіе вѣтеръ (Бѣлоруссія).

И гремучая туча угрюмо стороной прошла.
 Не припустило дождемъ, — осталась земля-хлѣбородница
 не умытая, не напоена.
 Не переможешь жары, некуда спрятаться.
 И ходило солнце по залѣсью, сушило въ саду шумливую
 яблонь, а въ полѣ цвѣты, и такое же жаркое сѣло.
 Угрѣвный день смѣнился душной ночью.
 По топучимъ болотамъ зажглись свѣтляки, а на небѣ
 звѣзда красная—одна—вечерняя звѣзда.
 Поднялся Ховала изъ теплой риги, поднялъ тяжелыя вѣки
 и, ныряя въ тяжелыхъ склоненныхъ колосьяхъ, засвѣтилъ
 свои двѣнадцать каменныхъ глазъ и полыхалъ.
 И полыхалъ, раскаляя душно небо.
 Чаялось, тамъ—пожаръ, тамъ разломится небо на части,
 и покончится бѣлый свѣтъ.
 Пустить бы голосъ черезъ темный лѣсъ,—не слышать
 и нѣтъ такого голоса.
 И куда-то скрылся Индрикъ звѣрь, Индрикъ звѣрь—мать

звѣрямъ — землю забыть. А когда-то любилъ ее: какъ въ
 засуху мѣрли отъ жажды, онъ копалъ рогомъ коляную зе-
 млю, и выкопалъ ключи и досталъ воды, пустилъ по рѣкамъ
 и озерамъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Звѣрь повернуться.
 И куда-то улетѣла Страфиль птица, Страфиль птица—
 мать птицамъ—свѣтъ забыла. А когда-то любила его: какъ
 нашла сила грозная, содрогнулся мѣръ, и она побѣдила ее,
 взяла свой свѣтъ подъ правое крыло.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Птица встрепенуться.
 И куда-то нырнулъ Китъ рыба, Китъ рыба — мать ры-
 бамъ — покинулъ землю. А когда-то любилъ ее: какъ стро-
 или землю, онъ легъ въ ея основаніе и содержитъ все на
 своихъ плечахъ.

Или пришло время послѣднее: хочетъ Рыба сворохнуться.
 Грозятъ страшныя очи, ныряетъ Ховала—съ пути его не
 воротись...

И омлѣла на небѣ звѣзда вечерняя.

А. Ремизовъ.

